

УДК [002.2+655](470+571)

Константин Михайлович Сухоруков

*Российская книжная палата (филиал ИТАР–ТАСС), заместитель директора по науке,
кандидат исторических наук, Россия, Москва, e-mail: a-bibliograf@mail.ru*

Российское книговедение на распутье

Аннотация. Автор рассматривает проблемы взаимодействия российской теории и практики книжного дела. Представлена картина развития российского книговедения в прошлом и настоящем времени. Сформулированы предложения по оптимизации нынешней кризисной ситуации в сфере книговедения как науки и учебной дисциплины.

Ключевые слова: Россия; книжное дело; книговедение; история; философия; профессиональная самоорганизация; государственное регулирование.

Konstantin Mikhailovich Sukhorukov

*Russian Book Chamber (ITAR–TASS branch), deputy director for science,
candidate of historical sciences, Russia, Moscow, a-bibliograf@mail.ru*

Russian bibliography at a crossroads

Abstract. The author describes the problems of interaction for the Russian theory and practice of book business. The general picture of the development of Russian bibliography in the past and at present is given. Proposals for optimization of the present crisis situation in the sphere of bibliography as the branch of knowledge and educational subject are formulated.

Keywords: Russia; book business; bibliography; history; philosophy; professional self-organization; state regulation.

Беспрецедентный фактор мировой пандемии коронавируса оказал наиболее негативное воздействие на книжное дело как на самостоятельную отрасль по сравнению с другими отраслями экономики. Книгоиздание и книжная торговля аккумулируют многие тысячи физических и юридических лиц, которые оперируют товаром, отличающимся огромным разнообразием, непредсказуемостью сбыта и не относящимся, как это чётко выяснилось в 2020 г., к особо защищаемой государством категории жизненно необходимых продуктов.

К. М. Сухоруков

Мы достаточно подробно рассмотрим в следующем номере журнала в традиционном обзоре статистику 2020 г. в сфере книгоиздания, поэтому нет смысла приводить конкретные цифры по снижению всех базовых его показателей. Важно отметить как негативный факт значительное сокращение количества российских издателей, осу-

ществлявших свою деятельность в этом году (по разным оценкам оно составило от 12 до 15%).

Издателям и книготорговцам всё сложнее развивать коммерческую деятельность в условиях расширения бесплатного доступа к культурному и научному наследию со стороны государ-

ства. В 79 регионах России уже действуют более 230 центров доступа к ресурсам Президентской библиотеки. Примерно 20 электронных читальных залов успешно работают за рубежом на базе российских центров науки и культуры. Здесь читателям доступны около 1 млн единиц хранения, представлено не менее 100 различных тематических коллекций на базе аудиовизуального контента. Все эти ресурсы доступны в цифровом формате без какой-либо дополнительной оплаты.

20 февраля 2019 г. Правительство России утвердило положение о Национальной электронной библиотеке (НЭБ), подготовленное Министерством культуры РФ. Этим документом предусмотрено включение в НЭБ электронных копий всех российских печатных изданий на правах обязательного экземпляра. И хотя доступ к ним должен предоставляться пользователям только при наличии лицензионного договора с автором или другим правообладателем, и это условие предусматривает модели доступа к изданиям с обязательной оплатой по факту их использования, налицо возрастающая прямая конкуренция НЭБ с коммерческими электронными библиотечными системами (ЭБС). В любом случае издатели теряют значительную часть своих поступлений от взаимодействия с традиционными и коммерческими библиотечными системами.

Кое-что для поддержки коммерческих издателей в условиях пандемии всё же было сделано. Так, федеральным законом от 15 октября 2020 г. № 323-ФЗ в статью 264 части 2 Налогового кодекса РФ внесено изменение, направленное на увеличение с 10 до 30% объёма потерь в виде стоимости списываемой бракованной, утратившей товарный вид, а также нереализованной в установленные сроки продукции средств массовой информации и книжных изданий. Эти потери при опреде-

лении налоговой базы по налогу на прибыль могут учитываться в составе прочих расходов, что позволило некоторым издателям разгрузить склады с неликвидными возвратами книжной продукции, а также актуализировать книжный ассортимент в книготорговых сетях и магазинах. Кроме того, постановление от 9 октября 2020 г. № 1643 Правительства РФ вдвое (до 10%) снизило ставку налога на добавленную стоимость для электронных и аудиокниг, связанных с образованием, наукой и культурой. Это решение должно послужить развитию цифрового сегмента книготоргового оборота, который пока не оправдывает надежд издателей.

Но в целом план реализации мер государственной поддержки книгоиздательского сообщества не смог стать действительно эффективным. Основная причина — слишком позднее и ограниченное по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД) включение издательской деятельности в список наиболее пострадавших отраслей. Только 26 мая 2020 г. (под занавес карантина) постановлением Правительства РФ № 745 «О внесении изменений в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» указанный перечень был дополнен разделом «Средства массовой информации и производство печатной продукции». Как выяснилось в июне 2020 г., только 30% малых и средних издательств зарегистрированы под кодами ОКВЭД 58.11 и 58.14, которые были включены в вышеуказанный перечень. В итоге основная масса издателей не смогла воспользоваться мерами государственной поддержки, поскольку основной код ОКВЭД — 58 «Деятельность издательская» почему-то не вошёл в данный перечень.

Кроме ОКВЭД, серьёзной проблемой стал и размер предприятия. Крупный бизнес в сфере книгоиздания не мог рассчитывать на какую-либо поддержку, кроме варианта включения в перечень системообразующих предприятий. Но профильное Федеральное агентство «Роспечать» признало таковыми для книжной отрасли всего шесть предприятий: «Высшую школу», «ЭКСМО», «Просвещение», «Первую образцовую типографию», «Издательско-полиграфический комплекс Парето-принт», «Национальную книжную сеть».

Важной проблемой является рост себестоимости тиражирования книжных изданий в связи с колебаниями валютного курса рубля и высокой долей закупаемых за рубежом компонентов для полиграфии. Снижение тиражей при росте полиграфических затрат вынуждает издателей для сохранения рентабельности своего бизнеса резко сокращать издержки. В первую очередь это касается рекламно-маркетингового бюджета по продвижению книг, в том числе участия в ярмарках, выставках и других представительских мероприятиях. Так, в сентябре 2020 г. в главном мероприятии книжной отрасли России — Московской международной книжной ярмарке (ММКЯ) не участвовали два ведущих отечественных издателя — «Азбука-Аттикус» и «Росмэн», которые не получили поддержки от государства из-за своего статуса. Ещё одна актуальная проблема — взаимоотношения традиционных книжных магазинов с отечественными издателями. Об их остроте говорилось и в выступлениях на вышеупомянутой ММКЯ.

В условиях пандемии и снижения покупательского спроса издатели всё чаще идут на соглашения с интернет-каналами книготорговли по продаже со значительными скидками, вдвое или втрое превышающими соответствующие торговые скидки в книжных

магазинах, работающих «на земле». Представители последних предупредили издателей, что считают такую конкуренцию несправедливой, а потому готовы пересмотреть традиционные функции «книготорговых витрин» для практически всей поставляемой издателем книжной продукции в сторону исключения из книготоргового ассортимента всего малоприбыльного или вызывающего сомнение в конечной реализации сегмента. Иными словами, книготорговцы могут резко ограничить издательское предложение только наиболее надёжной и прибыльной книжной продукцией. Это безусловно ударит по интересам не только издателей, но и всех реальных и потенциальных покупателей их продукции.

С учётом вышесказанного возникает вопрос: что можно и нужно сделать, если не для радикального улучшения, то хотя бы для упорядочения нынешней кризисной во многих отношениях ситуации? И здесь, видимо, было бы логично обратиться за помощью к науке, т. е. книговедению как некоему авторитетному арбитру, аналитику и прогнозисту. Однако ни в устных, ни в печатных выступлениях государственных и/или общественных руководителей отрасли, а также игроков книжного рынка подобных обращений или ссылок на мнения книгovedов не обнаруживается. Попробуем разобраться в причинах данного факта, обратившись в том числе к истории взаимодействия отечественного книговедения, книжного дела и государства.

Успех и неуспех в любой сфере деятельности зависят от состояния теории, эффективности практики и адекватных внешних рычагов управления. Применительно к книгоизданию и книготорговле в их диалектическом и организационном единстве эти функции в нашей стране выполняют книговедение, книжное дело и государство.

Взаимодействие этих трёх явлений социальной действительности было весьма различным в разные периоды XX — начала XXI в., но всегда государство играло доминирующую роль, прямо и непосредственно воздействуя на книжное дело и косвенно — на книговедение, т. е. на научно-исследовательское сопровождение и обеспечение книжного дела. Если же говорить о воздействии «снизу вверх», т. е. о влиянии книговедения на книжное дело и/или государство, то такового никогда реально не ощущалось, а влияние книжного дела на государство было очень ограниченным по масштабам и временному отрезку. Российское книговедение никак не влияло на организационные формы книжного дела, хотя и пытались добиться успехов на данном направлении. Причины этого кроются в так и не сложившемся для власть имущих сколько-нибудь официальном статусе книговедения как социально и/или экономически значимой науки. Также проявилась неспособность книговедов самоорганизоваться в профессиональный союз или ассоциацию, как это произошло у многих субъектов книжного дела в самом начале постсоветского времени. Численность книговедов и их как-то оформленных структур слишком мала по сравнению с библиотекарями (у которых есть Российский библиотечный союз — РБА), а экономические ресурсы и интересы книговедов ничтожны по сравнению с издателями (Ассоциацией книгоиздателей — АСКИ) или книготорговцами (Ассоциацией книгораспространителей — АСКР). То, что с годами такую самоорганизацию становится все труднее инициировать, а тем более — юридически узаконить, подтверждает пока неудачная попытка куда более многочисленных и активных по сравнению с книговедами библиографов возродить Русское библиографическое общество. Этому препятствует уже третий год Мини-

стерство юстиции РФ, хотя вся требуемая документация туда была подана и все формальности соблюдены.

Само книговедение по степени влияния на него извне прошло несколько этапов. Изначально, т. е. до Октябрьской революции, оно было уделом немногих энтузиастов и находилось под явным воздействием зарубежных воззрений на цели и задачи этой науки как главным образом истории книжного дела на примере деятельности наиболее выдающихся деятелей книжной культуры. Не случайно для названия этой науки употреблялось слово «библиология», что отражало безусловное доминирование теории и оторванность почти всех этих изысканий от нужд российского книгоиздания и книготорговли. Единственным исключением из правил был Н. М. Лисовский, употреблявший слово «книговедение» в своих лекциях [1]. Впрочем, и сами практики книжного дела не формулировали свои запросы в этой сфере, действуя методом проб и ошибок и опираясь либо только на собственный опыт, либо на опыт коллег. В любом случае они не обращались к науке в отличие от предпринимателей в других сферах промышленности и экономики, сознававших важность использования научного потенциала в конкурентной борьбе.

Второй этап истории книговедения — 1920–1950 гг., когда происходили многочисленные организационные реформы и нововведения в нашей стране. Везде и во всём доминировало государство, которое исповедовало утилитарный подход к книге и книжному делу как эффективному орудию пропаганды коммунистической идеологии. Библиология как символ прошлого исчезла с научных горизонтов, а классово ориентированное книговедение так и не возникло после всевозможных «чисток» и репрессий ко всем, кто отклонялся от генеральной линии регламентации, унификации и централиза-

ции в сферах литературного творчества, книгоиздания и книгораспространения.

Не зря даже Е. И. Шамурина — автора необычного для той эпохи и единственного в своём роде «Словаря книговедческих терминов» (вышедшего из печати в 1958 г.) — именовали в ходе развернувшейся полемики вокруг этой книги, да и впоследствии (в том числе некрологах 1962 г., через четыре года после выхода его «Словаря») «видным» или «выдающимся советским библиотекведом и библиографом», но никак не книговедом [2]!

Следующий этап — с 1959 по 1983 г., когда хрущевскую «оттепель» сменили этапы «развитого социализма» и «застойных явлений». Все они, тем не менее, оказались плодотворными для возрождения и развития книговедения, чему во многом способствовал Е. Л. Немировский. Это совпало с непрерывным прогрессом в сферах науки, техники, образования, информатики и демократизацией управления и развития международных книжных связей, а также с внедрением стандартизации и информационного обеспечения книжного дела. Для данного периода характерны рост количественных показателей и разнообразие издательской продукции, появление и быстрое увеличение числа книговедческих конференций, научно-исследовательских работ, кандидатских и докторских диссертаций, развитие научных школ, нацеленных на обоснование места и социальной роли книги в жизни нашего общества (в его прошлом, настоящем и даже ближайшем будущем). Подобного рода исследования сопровождались рекомендациями для практического использования, но идеологический диктат нивелировал значение экономической составляющей книжного дела. Показательно, что хотя многолетний лидер отечественного книговедения той эпохи Е. Л. Немировский делил почти поровну своё время на исследования

прошлого и современного книжного дела, его научные заслуги общеизвестны только как выдающегося историка.

Последний этап начинается со времён горбачёвской перестройки, а затем охватывает уже 30-летний постсоветский период, т. е. 1984–2020 гг. Несмотря на кардинальные изменения в практике книжного дела, книговедение так и не получило чёткого заказа на конкретные исследования и реальной долгосрочной поддержки ни от государства, ни от главных субъектов книжного рынка, что во многом помешало его переориентации на нужды повседневной практики.

Кроме исторических исследований, наших книгovedов продолжали занимать проблемы точного и «окончательного» определения самой этой науки как комплексной научной дисциплины, её состав, предмет и объект, главные методы книговедческих исследований и т. п. [3].

Диалектика развития и многоаспектность трактовки любого сложного явления, в том числе из разряда выше-названных, заставляет исследователей выбирать нужный им вариант в зависимости от времени и целей. Стремление теоретически обосновать и даже «узурпировать» раз и навсегда свои единственно верные и истинно книговедческие предмет и методы исследования сегодня выглядит догматическим анахронизмом. В целом дихотомическое мышление (по принципу «или — или») статично, поскольку упускает из виду фактор непрерывных изменений объективной реальности, т. е. постоянную динамику. Книгovedы, как и любые другие исследователи, должны учитывать очень важные принципы непрерывного развития и синергетического взаимодействия. На стыке двух или нескольких наук или сфер деятельности рождается новое знание или возрастает коэффициент полезного действия компонентов, задействованных в процессе.

Книга взаимодействует со всеми прочими средствами массовой информации или массовой коммуникации, а книговедение должно органично сочетаться с информатикой, коммуникологией, культурологией, социологией и т. д. На стыке с методами именно этих наук можно и должно получать новое знание о будущем книги и книжного дела.

Важен и принцип историзма, поскольку оценки и суждения могут быть свежи и актуальны на определённом этапе, но нет ничего вечного, в том числе и книги как таковой. Если отказываться от понимания книги как факта конкретной истории, то получится чистая схоластика, не учитывающая внутренних и внешних факторов воздействия на книгу и книговедение в определённый период времени. Этот принцип подразумевает, что книговедам необходимо определять свои исследовательские приоритеты в зависимости от запросов общества и рынка на конкретном историческом этапе. Для столь подвижного и непрерывно изменяющегося явления, как книжное дело, просто не подходят раз и навсегда «узаконенные» догмы и схемы. Мы попытались это доказать в ряде статей [4].

Для выявления сущности, способов и форм существования книги много усилий предприняли преподаватели бывшего Московского полиграфического института, а потом Московского государственного университета печати. Была предложена развёрнутая и опирающаяся на материалистическую диалектику системно-типологическая теория и методология познания на основе «типологического метода книговедческого познания», как это сформулировала А. А. Беловицкая. Получили обоснование различные уровни такого познания: общекиговедческий типологический, специально-киговедческий и частнодисциплинарный, причём с учётом специфики сфер книгоиздания, книготорговли, библиотечного

дела и библиографии [5]. Беда была лишь в том, что трактуемые книговедами как составные части единого книжного дела библиотечное дело и библиография исторически были более «древними» и вполне организационно оформленными как самостоятельные сферы деятельности, причём обслуживающие их науки (библиотекведение и библиографоведение) в официальном регистраторе ВАК стояли и стоят в одном ряду с книговедением.

Вышеуказанные теоретические споры о сущности, предмете и объекте присущи не только книговедам, но также библиотековедам и библиографоведам. Однако сама практическая деятельность в этих сферах по сравнению с книжным делом куда более формализована и не имеет такого разнообразия, что резко снижает накал и масштабы подобного рода дискуссий. Если библиотеки и библиографы почти не связаны деньгами и прибылью, то издатели и книготорговцы куда острее ощущали оторванность книговедения от их реальных нужд и потребностей, т. е. некую схоластику в этой науке. Поэтому книговедам с точки зрения самозащиты следовало сосредоточиться именно на книге в процессах её создания и распространения, т. е. опираться не на абстрактную философию познания, а на функционально-деятельностный подход. Однако подавляющее большинство книговедов по-прежнему склонялось к весьма отвлечённым теоретическим изысканиям. Особо модно было выдвигать различные определения сущности книги с очень глубоких, но оторванных от повседневной практики философских позиций (книга — это способ социальной коммуникации автора с читателем, книга — это система смыслов, книга — это диалектическое единство содержания, материальной формы и знаковой системы для представления читателю авторского произведения и т. п.).

Что касается практики работы с книгой как с товаром, имеющим даже в СССР свою конкретную цену, то лишь А. А. Говоров в 1980-х гг. отстаивал точку зрения, что книга — это товар особого рода, потребительная стоимость которого создаётся в сфере нематериального производства. По его мнению, «в числе важнейших предметов книговедения находится потребительная стоимость книги, ее общественная полезность, понимаемая как информация, носителем которой служит книга, и как способность книги распространять эту информацию» [6]. Однако изучение подобных вопросов он предполагал вести при помощи историко-книговедческого метода, каковой вряд ли подходил для анализа современного книжного дела, а тем более — какого-либо его научного прогнозирования.

Это попытался сделать уже другой учёный и в другое время — в 2001 г., после распада СССР. Речь идёт о докторской диссертации и публикациях Б. В. Ленского, касавшихся современного развития книгоиздательской системы России с книговедческой точки зрения [7]. Автор считал необходимым «переосмысление и развитие некоторых сложившихся книговедческих концепций, в которых недостаточно полно учитываются системный характер книжного дела, типология книги, перспективы развития книгоиздания в условиях все более усиливающейся конкуренции со стороны новых средств коммуникации» [7, с. 3]. Однако основное внимание он всё же уделял анализу организации практической деятельности издателей, а не теории книжного дела, а внутри практики — отечественной и мировой политике и моделям книгоиздания, а не конкретным секторам книгоиздания и книготорговли, а также критическому анализу проблем книжного дела и путям их решения. Всё это снижало фактическую значимость даже таких, с точки зрения задач и целей,

очень редких для книговедения исследований применительно и к самим российским издателям, и ко всё более сужающемуся кругу книговедов-теоретиков и/или преподавателей. Именно эти недостатки отличают и выходящие ежегодно обзоры книжного рынка России, подготавливавшиеся теперь уже бывшим Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям с привлечением ведущих специалистов отрасли и основанные на неофициальной и не очень точной, но книготорговой статистике. В этих обзорах нет ответа на главные вопросы: что и как надо делать для выхода из кризиса.

Казалось бы, новый российский книжный рынок и его «главные игроки» должны были чётко ориентировать книговедов на изучение именно товарных свойств и качеств издаваемых книг, ассортимент которых по многообразию не имеет аналогов (ведь это более 100 тыс. наименований изданий в год, причём разных типов и видов). Но именно специальное книговедение, т. е. изучение основных товарных групп книжной продукции с точки зрения особенностей их выпуска и распространения, специфики спроса и конъюнктуры, было прежде всего ликвидировано как учебная дисциплина. Вместо этого стал пропагандироваться и внедряться безликий менеджмент, исключавший необходимость как-то выделять и изучать ту самую потребительную стоимость, отличающую книгу от любого другого товара. Подобный менеджмент был всё же достаточно эффективным в условиях неудовлетворённого покупательского спроса, унаследованного с советских времён, на очень многие категории книжного ассортимента. Но всё проходит достаточно быстро. Товаровед, разбирающийся хуже покупателя в своей продукции, обречён на неуспех, тем более если он не очень ясно представляет себе даже общие запросы этого покупателя.

Ещё один удар по книговедению нанесли электронные средства информации и коммуникации, о которых говорил 20 лет назад Б.В. Ленский. Книга, трактуемая как самый обычный информационный носитель, стала не только в один ряд с ними, но и всё чаще проигрывает соревнование с точки зрения оперативности и удобства предоставления информации. В итоге мы видим быстрое сокращение никогда не бывавших многочисленными кафедр и курсов книговедения в вузах, а также других книговедческих структур. Само «Книговедение» все настойчивее хотят убрать из вышеназванного регистратора научных специальностей ВАК, заменив этот «скомпрометированный» термин на что-то более новое, взятое, к примеру, из сферы социологии. Однако надо помнить, что научная, т. е. познавательная, деятельность чаще всего рождается потребностями экономической сферы. Без конкретных знаний, без чёткого целеполагания невозможна любая деятельность как целесообразная, т. е. разумное, взаимодействие человека с окружающим миром. Ещё Ф. Энгельс справедливо писал, что потребности материального производства двигают развитие науки и её институтов сильнее, чем десятки университетов. Всё вышесказанное вполне относится к российскому книжному делу, потребности которого никто не отменял.

Нынешний кризис книжного дела усугубляется кризисом пандемии. Однако любой кризис — это и новые возможности для реформирования и возрождения (в нашем случае российского книговедения). И здесь нужно вспомнить, что книжное дело — это синтез духовной и материальной культуры, т. е. искусства и экономики в широком смысле этих терминов. Именно искусство своими образами способно моделировать в себе функции всех других общественных явлений (познавательные — у науки, образовательные —

у педагогики, организационные — у управления), т. е. образно-знаково отражать объективную реальность и формировать идейно-нравственную культуру граждан. В актах создания и потребления произведений искусства (к каковым мы относим книгу — и в этом её принципиальное отличие от электронных средств массовой коммуникации (СМК) и СМИ), между художником, т. е. автором, и публикой, т. е. коллективным читателем, возникает целая система художественных отношений в обществе: формирование и воплощение идеи или замысла, публикации и экспертизы; издание и распространение произведения; плагиат и авторство; оценка публикой и критикой; реклама и пропаганда; спонсорство и/или государственная поддержка.

Для общества знания первостепенную ценность приобретает именно конкретное знание, а не абстрактная информация. Об этом говорит и Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания», который был подготовлен в 2005 г. коллективом учёных из разных стран. Они особо подчеркнули, что информационное общество вообще приобретает социальный смысл, если способствует развитию общества знания и, таким образом, будет направлено на развитие человечества [8]. Информация должна служить инструментом знания, отличающегося от информации именно своей «очеловеченностью», т. е. оно осмысленно включено в систему человеческих целей и ценностей. И здесь именно книга имеет огромные преимущества перед всякого рода сайтами и блогами, поскольку в ней отражён многовековой опыт наиболее удобного для человека доведения авторской информации. Здесь есть выполняющие свои конкретные функции и несущие за них ответственность автор, издатель, распространитель и читатель со своими правами и обязанностями. Информация по сути нейтральна, а книжное

знание определяется заинтересованным отношением к нему человека, активностью понимания и освоения в сознании каждого субъекта книжного дела, а также его социальной и гражданской ответственностью за результаты своей деятельности.

Всё вышесказанное требует определения конкретных приоритетов в развитии книговедения и таких же конкретных результатов «на выходе», т. е. от именно книговедческих исследований.

Самая главная и актуальная проблема, от решения которой зависит судьба книговедения с точки зрения перспектив этой науки, — проблема чтения. Чем отличается чтение на печатных и на электронных носителях, нужно ли поддерживать и стимулировать чтение применительно ко всему его репертуару или только для социально значимой литературы, и если да, то как?

С учётом этих рассуждений можно сформулировать актуальные направления научных исследований, в которых именно книговеды могли бы сыграть ведущую роль.

Во-первых, прогнозы развития покупательского и читательского спроса на конкретные типы и виды печатной книжной продукции, а также определение способов представления этой продукции, наиболее предпочтительных для большинства читателей и покупателей (формат, объём, бумага, издательское оформление и т. п.). Здесь очень важно объединить усилия дизайнеров, библиотекведов, социологов, экономистов-маркетологов на базе общей методики проведения таких исследований.

Во-вторых, выработка наиболее эффективных и экономичных методов не только и не столько пропаганды книги и чтения, сколько совместной издательской и книготорговой рекламы и информационного обеспечения в целях продвижения книги от производителя к потребителю.

В-третьих, выбор направлений, в которых будет развиваться безусловное соперничество печатной и электронной книги, а также — что нужно сделать для того, чтобы и та, и другая форма существования книги повысили свою привлекательность для потребителя, используя ещё не задействованные или «хорошо забытые» резервы. Применительно к печатной книге издателям массовой беллетристики, быть может, имеет смысл изучить возможность возврата к иллюстрациям, буквицам, заставкам, инициалам и другим атрибутам «старой» книжной культуры, чтобы подчеркнуть индивидуальность, неповторимость традиционной книги по сравнению с «обезличенной» электронной. Что касается электронных изданий, то весьма актуальны вопросы их дифференцированного шрифтового оформления для различных возрастных групп пользователей, а также проблемы типологии и классификации электронных изданий как таковых.

Необходим прорыв, который обеспечил бы книге и книговедению должный социальный статус и способствовал бы консолидации сил книговедческого сообщества. Таким прорывом может и должна стать разработка федерального закона о книге и книжном деле.

Сегодня в нашей стране уже приняты и действуют законы о СМИ, обязательном экземпляре изданий, о библиотечном деле, авторском праве. Все эти аспекты имеют безусловное отношение к книжному делу, но перечисленные законы не позволяют решать наиболее актуальные проблемы таких важнейших отраслей, как книгоиздание и книготорговля, а также не обеспечивают сколько-нибудь долговременную и понятную субъектам книжного дела государственную политику по отношению к книге, её изданию и распространению.

Прежде всего предстоит законодательно установить социальный статус самой книги в нашем обществе: явля-

ется ли она только «носителем информации», разновидностью «документа», «товаром» с особыми свойствами, либо представляет собою нечто большее, уникальное с точки зрения воздействия на формирование потенциала человеческой личности. Следует также выделить группу книжных изданий, без которых невозможно развитие образования, просвещения, науки и культуры: поскольку именно эти издания признаются социально значимыми, они могут и должны относиться к товарам первой необходимости для потребителя.

Предлагаемый закон нужен и с практической точки зрения — для определения различных типов и статусов издателей и распространителей книжной продукции: в зависимости от репертуара и ассортимента, в соответствии с установленными государством требованиями к качеству книжной продукции и её поисково-идентификационным элементам (для узаконивания требований, кстати, достаточно всего лишь повысить статус наиболее важных из нынешних ГОСТов СИБИД — сделать их не рекомендациями, а обязательными к исполнению подзаконными актами). Отметим, что ГОСТы — это концентрированное выражение именно научно-методического знания, проявляющегося в виде нормирования терминов и процессов практической деятельности. Стандарты СИБИД — реальные достижения российского книговедения, стоящие на уровне самых передовых международных нормативных разработок. К сожалению, сами книговеды почти никак не рекламируют свою деятельность в этой сфере, а лишь пытаются довести до практиков хотя бы главные положения таких документов.

Этот закон должен установить государственные требования и принципы их соблюдения в сферах ценообразования (к примеру, действенной мерой оказалось бы внедрение фиксированных розничных номиналов на изда-

ния социально значимой литературы), а также обеспечить исчерпывающую книгоиздательскую и книготорговую отчётность, без которой немислимо никакое регулирование стихийного книжного рынка. Столь же актуальным видится установление в федеральном законодательстве масштабов и методов государственной поддержки социально значимой книги и развивающего личностность чтения, стимулирование деятельности производителей и распространителей социально значимой литературы, в том числе на языках народов РФ, а также для слепых и инвалидов по зрению.

Закон должен быть нацелен на обеспечение конституционных прав наших граждан на доступ к книжной информации. Иными словами, он должен устанавливать некий количественный минимум стационарных книготорговых и вообще книгораспространительских предприятий в зависимости от площади обслуживаемого региона и численности (а также плотности) его населения. Столь же важно установить и некий ассортиментный минимум в соответствующих книготорговых точках. Необходима также всемерная поддержка (льготные тарифы и пр.) почтово-посылочной книготорговли, гарантированной законом. На такой законодательной базе можно было бы не на словах, а на деле обеспечивать защиту основных прав потребителей социально значимой книжной продукции во всех регионах, в особенности — в отдалённых от центра страны населённых пунктах и в местах компактного проживания малочисленных групп потенциальных потребителей (к примеру, народов и народностей Крайнего Севера или Дальнего Востока).

Предлагаемый закон должен обеспечить — прямо или косвенно — устойчивый «режим благоприятствования» как для социально значимой книги (и её производителей, распространителей, пропагандистов), так и для са-

мого книговедческого сообщества, обделённого финансированием и вниманием к практической реализации хотя и немногих, но полезных и интересных научно-методических разработок. Как любая наука невозможна без повседневной практики, так и сама практика (в нашем случае — книжное дело) не сможет нормально развиваться без адекватного научно-методического обеспечения, и прежде всего — со стороны книговедения. Поэтому в законе должны быть чётко определены статус и роль книговедения как науки, имеющей значение для культуры и экономики нашей страны.

В подобных мерах сегодня — в условиях углубляющегося кризиса чтения и резкого понижения его статуса — должны быть в равной степени заинтересованы все: как основная масса российского населения, так и государственные сферы, как профессионалы книжного дела, так и «обычные» люди, сохранившие интерес и любовь к книге. Именно книговеды, используя свой огромный исторический и вообще теоретический научный потенциал, опираясь на реалии издательско-книготорговой практики, могут и должны найти ту «золотую середину» пересекающихся интересов представителей различных отраслей и сфер книжного дела, которая станет основой для выработки по-настоящему эффективного, рассчитанного на длительную перспективу закона для сохранения и приумножения достижений отечественной книжной культуры.

Понятно, что здесь мы снова должны связать свои надежды с нашим государством, без участия которого все эти предложения, как и любые другие, останутся только на бумаге. После ликвидации Федерального агентства по печати лишь вышеупомянутые ассоциации и позднее созданный для координации их деятельности Российский книжный союз имеют возможность вы-

ражать коллективное мнение и защищать интересы российских субъектов книжного дела. Однако от активности книговедов и вообще людей книги зависит и совместное участие этих объединений в сохранении отечественной книжной культуры. Коллективная поддержка данного призыва, быть может, найдёт отклик в органах государственной власти и приведёт к долгожданным изменениям в российской книжной политике, её научному обоснованию и оценке результатов. А промедление, вспоминая слова Ленина, здесь будет вряд ли «подобно смерти» книговедения, но грозит сделать его кризис безнадежно хроническим.

У критически настроенного или нацеленного на получение конкретного результата читателя может возникнуть вопрос, не связана ли вся вышеприведённая информация с каким-то отставанием нынешнего российского книговедения от зарубежной книжной науки, не проще ли воспользоваться передовым опытом стран Запада в этой сфере? Отвечаем сразу и уверенно — такого ценного и уникального опыта там нет. Российское книговедение, несмотря на перекосы в сторону истмата и диамата, на протяжении XX в. выступало в роли первопроходца и уверенно лидировало с точки зрения постановки, а зачастую и решения тех стратегических научных и методических задач, о которых за рубежом не могли и помышлять. Государственное управление и регулирование книжного дела в советское время (да и частично в постсоветское) имело, конечно, не только плюсы, но и очевидные минусы. Однако именно такое положение дел позволяло ставить перед нашим книговедением очень разнообразные и масштабные цели исследования, весьма часто не имевшие аналогов за рубежом. Этот факт не раз признавали иностранные участники московских книговедческих конференций, которые, к сожалению, по-

сле более чем 50-летней своей истории проведения ныне канули в Лету. У советских книговедов, несмотря на справедливые упрёки со стороны тогдашних и теперешних критиков, всегда доминировал системный подход для фундаментальных исследований, а для прикладных исследований использовались достаточно эффективные и чётко отражающие реальную ситуацию конкретные и адаптированные под цели и задачи этих исследований методики.

Будет очень жаль, если накопленный целым рядом поколений наших учёных потенциал этой замечательной науки будет в конце концов утерян и не востребован в стране, население которой ещё недавно считалось самым читающим в мире. Не хочется, но приходится напомнить пословицу «что имеем — не храним, потерявши — плачем», которая реализуется в разных сферах российской науки и культуры вообще, а книжной — в частности.

Библиографический список

1. Н. М. Лисовский. Лекции по книговедению (1913–1920 гг.) : в 2 т. / авт.-сост.: С. А. Карайченцева, Е. М. Сухорукова ; Рос. кн. палата — фил. ИТАР–ТАСС. М. : РКП, 2020. (Московские книжники и книжное дело: по архивам Книжной палаты; вып. 7).
2. Е. И. Шамурин — летописец Книжной палаты / авт.-сост.: С. А. Карайченцева, Е. М. Сухорукова ; Рос. кн. палата — фил. ИТАР–ТАСС. М. : РКП, 2015. 384 с., [16] с. ил. (Московские книжники и книжное дело: по архивам Книжной палаты; вып. 5).
3. Ельников М. П. Книговедение как наука: от шестидесятых к двухтысячным // Книга: исследования и материалы. 2002. Сб. 80. С. 161–185.
4. Сухоруков К. М. Вместе или порознь: о теории и практике книговедения // Книга: исследования и материалы. 2012. Сб. 95. С. 5–11 ; Сухоруков К. М. Наше книговедение: теория, мечты и реалии // Книга: исследования и материалы. 2014. Сб. 101. С. 48–59.
5. Беловицкая А. А. Система книговедческого метода // Книга в информационном обществе : материалы XIII междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апр. 2014 г.) : в 4 ч. М. : Наука, 2014. Ч. 1. С. 439–445.
6. Говоров А. А. Историко-книговедческое исследование строительства социалистической книжной торговли в СССР : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980. С. 9.
7. Ленский Б. В. Основные факторы становления и развития книгоиздательской системы современной России: книговедческие аспекты : дис. д-ра филол. наук. М., 2001. 91 с.
8. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». Париж : Изд. ЮНЕСКО, 2005. С. 29.

Вышли в свет

Учебные и методические материалы

Политическая журналистика : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Филологический факультет, Кафедра журнали-

стики; авторы-составители: В. Б. Надькин, О. Г. Сидоров. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019 (Якутск : Типография Издательского дома СВФУ). — 113, [1] с. — Библиогр. в конце разд. — 50 экз.

Юбилей библиотек
Формирование информационной культуры пользователей: опыт, проблемы, перспективы :

(к 100-летию Информационно-библиографического отдела) / Министерство культуры Пермского края, Пермская государственная краевая универсальная библиотека имени А. М. Горького ...; составитель Л. В. Дудина. — Пермь : Пермская государственная краевая универсальная библиотека, 2019 ([Б. м.] : Щелканов А. Г. (ИП)). — 93 с. : цв. ил. — 100 экз.